

Цена 1 руб. 10 коп.

Индекс 70250

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Подписка
на журнал «Дружба народов»
впервые
принимается без ограничений
всеми отделениями «Союзпечати».
В 1985 году будут опубликованы

РОМАНЫ:

ИГОРЬ ВОЛГИН. Последний год Достоевского.
ХАРИЙ ГУЛБИС. Осоковая низина. С латышского.
ПАВЛО ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ. Южный комфорт.
С украинского.
ЮРИЙ МУШКЕТИК. Рубеж. С украинского.
СЕРГЕЙ САРТАКОВ. Вечная песнь — колыбельная.
2-я и 3-я части.
ЮЛИАН СЕМЕНОВ. Сомнения.
КОНСТАНТИН СИМОНОВ. Софья Леонидовна.
ИВАН ЧИГРИНОВ. Свои и чужие. С белорусского.
ВАСИЛИЙ ШУКШИН. Любавины. Книга II.

ПОВЕСТИ:

САВВА ДАНГУЛОВ. Братина.
ПЕТР КРАСНОВ. Высокие жаворонки.
АСКАД МУХТАР. Узки улочки Бухары. С узбекского.

Новые произведения передают нам:

Г. БАКЛАНОВ, А. БУЧИС, В. БЫКОВ, Ю. ДАВЫДОВ,
Н. ДУМБАДЗЕ, М. ИБРАГИМБЕКОВ, А. ЭБАНОИДЗЕ.

Дружба народов, 1984, № 9, 1—272

pslav

ISSN 0012—6756

Д
Н

ружба народов

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY

DEC 10 1984

10
1984

В. ТОЛСТОНОГОВ.

Иллюстрация к книге Б. Орлова
«Судьба солдатская».

Дружба Народов

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

■
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

10
1984

ОСНОВАН В 1939 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ
СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР»

МОСКВА

«...ЧЕМ ТЕСНЕЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СВЯЗАНА С ДРУГИМИ, ЧЕМ ИНТЕНСИВНЕЕ ВБИРАЕТ ОНА В СЕБЯ ТЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА БРАТСКИХ НАРОДОВ, КОТОРЫЕ ПРИОБРЕЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ТЕМ БЫСТРЕЕ И ПЛОДОТВОРНЕЕ ОНА РАЗВИВАЕТСЯ. ТЕМ БОЛЬШИЙ ВКЛАД ОНА ВНОСИТ В ОБОГАЩЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА, ВСЕГО НАШЕГО ОБЩЕСТВА».

К. У. ЧЕРНЕНКО

Из речи на Юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Сергей БАРУЗДИН

Первый заместитель главного редактора Леонид ТЕРАКОПЯН

Ануар АЛИМЖАНОВ, Лев АННИНСКИЙ, Альгимантас БУЧИС, Игорь ЗАХОРОШКО (ответственный секретарь), Имант ЗИЕДОНИС, Мирза ИБРАГИМОВ, Юрий КАЛЕЩУК, Алим КЕШОКОВ, Юрий КИРШИН, Вадим КОВСКИЙ, Григорий КОРАВЕЛЬНИКОВ, Георгий ЛОМИДЗЕ, Елена МОВЧАН, Рафаэль МУСТАФИН, Леонид НОВИЧЕНКО, Александр ОВЧАРЕНКО, Борис ПАНКИН, Вардгес ПЕТРОСЯН, Александр РУДЕНКО-ДЕСНЯК (зам. главного редактора), Инна СЕРГЕЕВА, Юрий СУРОВЦЕВ, Бронислав ХОЛОПОВ, Иван ШАМЯКИН, Константин ЩЕРБАКОВ, Камилль ЯШЕН

КАРЛО КАЛАДЗЕ

О замыслов этих безмерность!

С ГРУЗИНСКОГО.

Перевод
АСАРА ЭППЕЛЯ

Акакио Церетели

Где «аи иа»¹ в буквах явилась,
Там начинается наше ученье.
Пальцем вожу я, дабы свершилось
Первое в жизни детское чтение.

Эти два слова, этот букетик
Этих фиалок, собранных к ночи,
Стать мне велели автором этих
Небеспечальных четырехстрочий.

Склоны Мтацминды сиреневила
Цветом фиалок вешняя вечность.
Знать бы, какая их пробудила
Жить чистота и чистосердечность...

Старец великий! Я как посыльный
Послан с охапкой этой лесною,
Чтобы твой камень ожил могильный,
Чтобы и ты возродился с весною.

Буквы-фиалки! Ты их составил,
Ты их доверил мальчику, сыну,
И на ресницах ночи оставил
Слезы по выбравшему чужбину.

Пусть в поколениях вечно святится
Имя дарителя первого слова!
Стоит фиалкам лишь распуститься,
Жизнь, как букварь, начинаю я снова.

¹ «Аи иа» — «вот фиалка» — первые слова грузинского букваря, составленного А. Церетели для сына, который затем почти всю жизнь прожил во Франции.

Юлчиев берет верх над Кулдашевым и его приспешниками, но его победа не убеждает, как, впрочем, и положительные, и негативные персонажи, лишенные неповторимого лица. И так, перед нами два художественно не убедительных произведения. И оба они изданы массовым тиражом. Одна из повестей вышла с добрым напутствием писателя И. Рахима, другая — с хвалебным послесловием писателя С. Караматова. И обе они получили положительную оценку в республиканских газетах и журналах. Можно предположить, что все это делалось с самыми хорошими намерениями, но стоит ли оказывать содействие развитию литературы подобным образом?..

Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ

КОГДА ОТЦЫ БЫЛИ МАЛЬЧИКАМИ

Харий Галиня. Караси ловят щук. Рассказы. Перевод с латышского. М. Изд-во «Советский писатель». 1983

Сегодня им, ровесникам Хажусу, от лица которого ведется повествование в сборнике рассказов Хария Галиня, далеко за пятьдесят. А тогда, в годы военного лихолетья, им было от роду меньше, чем теперь их детям. «Сколько же лет вам, ребятки?» — горестно спрашивают их женщины в рассказе «Немые».

«Не назови она нас, взрослых мужчин, бывалых окопников, ребятками, — рассказывает один такой «взрослый мужчина», — я сказал бы, что — тринадцать, четырнадцать, пятнадцать».

И вот эти мальчики брошены судьбой в пучину оккупации вовсе не подготовленными к борьбе за идеалы, которые им, детям, были еще не очень ясны. Между тем «по законам нового порядка» они должны были «помогать» оккупантам наряду со взрослыми, рыть для немцев окопы, ликвидировать последствия разрушений стратегических объектов и прочее, прочее...

Всего лишь год, как утвердилось Советская власть на латышской земле, когда фашистская Германия напала на нашу страну. Год и без малого долгих четыре года оккупации. Тут не всякому взрослому-то было под силу разобраться, что к чему. Тем более что за связь с «москалями», за принадлежность к пионерской, комсомольской или какой-либо другой советской общественной организации жестоко расправлялись не только оккупанты, но и «свои».

Однако если отца одного из друзей Хажусу выручал жизненный опыт, благодаря которому он не стал «бороться за фрицев», то его сыну Лео надо было еще такой опыт нажить. Отец Лео знал лично, что такое фашисты: «Бороться за фрицев? Да они никогда латышей людьми не

считали и, если победят, будут обращаться с нами, как со скотами».

Достаточно жизненного опыта было за плечами и у отца Хажусу, чтобы понять и принять коммунистическую заповедь, что землею должен владеть тот, кто на ней работает.

Их же детям предстояло еще пройти сквозь огонь и воду, прежде чем научиться самостоятельно и верно мыслить.

Лео видел собственными глазами, как зверски убили крестьян, у которых он работал, чтобы прокормиться в голодное время, видел, и кто их убивал. «Как же я могу поверить бабкам, что это делают русские? — говорил он своему другу Хажусу. — Я своими глазами видел и своими ушами услышал: это делали латыши, свои, одетые в немецкую форму, вместе с власовцами. За то, что мои хозяева почувствовали русским». И он же скажет: «Мне безразлично, на каком языке человек говорит, был бы порядочным мальком, на которого можно положиться».

Хажус дружил в школе с девочкой Розой, «хотя и дома, и в школе нам запрещали общаться с евреями. Несмотря на такие запреты, мы иногда часами сидели в каком-нибудь укромном месте, болтали всякую всячину. Я отдавал ей свой завтрак, Роза съедала его, обливаясь слезами. Я не выносил, когда девочки хныкали, но Розу старался успокоить, как могла мне казалась особенной...»

Не меньшую привязанность подросток чувствовал к цыганенку — хозяйскому пастуху, к которому ему строго-настрого запрещали общаться с евреями. Несмотря на такие запреты, мы иногда часами сидели в каком-нибудь укромном месте, болтали всякую всячину. Я отдавал ей свой завтрак, Роза съедала его, обливаясь слезами. Я не выносил, когда девочки хныкали, но Розу старался успокоить, как могла мне казалась особенной...»

Не меньшую привязанность подросток чувствовал к цыганенку — хозяйскому пастуху, к которому ему строго-настрого запрещали общаться с евреями. Несмотря на такие запреты, мы иногда часами сидели в каком-нибудь укромном месте, болтали всякую всячину. Я отдавал ей свой завтрак, Роза съедала его, обливаясь слезами. Я не выносил, когда девочки хныкали, но Розу старался успокоить, как могла мне казалась особенной...»

В отчаянии Хажус повторяет вычитанные им в какой-то плохой книжке слова: «Жизнь человеческая не дороже пуха, которая способна ее отнять». Ему вторит Лео, тоже почти ребенок: «Не все ли равно, где и когда умирать...» «Может, какой-то и нерасстрелянный есть, — подумал Лео, усаживаясь на ящик (из-под снарядов). Прям мое. — А. В.) и доставая последнее курево. — Не так уж и плохо бы взлететь на воздух. По крайней мере, настанет покой...»

Это состояние овладело подростком под впечатлением только что увиденной им расправы гитлеровцев с его хозяевами. «...На кухне большой лист бумаги с надписью: «Так мы караем тех, кто поддерживает русских».

И все же мальчики выжили не только физически, но и морально. В этом им помогли и силы молодости, и опыт их отцов и дедов.

Лео никогда уже не забудет строки отцовского письма из России, где отец оказался как военнопленный. Лео читает

отцовское письмо своему другу Хажусу. Отец Лео писал: «Ты же знаешь, сын, меня взяли в легион против моей воли, некуда было деваться, иначе вам пришлось бы плохо... Совесть моя чиста, я не сделал ничего плохого, из-за чего тебе пришлось бы стыдиться своего отца... Да, лечили меня хорошо, совсем не как пленного, а как лечили бы своего солдата. Русские врачи вернули мне жизнь и здоровье...»

Не принял «нового порядка» и уважаемый всеми в округе старый лесничий Лалиньш Расмингайтис. Широкая, свободолюбивая и жизнелюбивая натура, он снискал любовь и уважение всех честных людей своим молчаливым сопротивлением гитлеровцам.

После освобождения Латвии молодые герои уже вполне сознательно становятся на сторону завоеванной новой жизни. Хажус со своим школьным и боевым другом Кришинем, тоже комсомольцем, участвует в борьбе со скрывающимися в лесу бандитами.

Перед глазами подростка был пример прекрасной жизни капитана Зутыня. По его заданию Хажус проник в логово бандитов, так называемых лесных котлов, терроризировавших в первое время после войны своих земляков. Во время ликвидации банды капитан падет смертью храбрых. И Хажус будет оплакивать тяжелую потерю сразу двух дорогих ему людей — в этой же операции погиб и Кришинь.

Ложь зловещих пророчеств националистов стала особенно очевидна на фоне новой, утверждающейся жизни. В толпе, собравшейся возле исполкома волостного Совета, куда свезли выловленных в лесах «котов», слышались голоса: «Давно пора!» А какой-то старик, с негодованием показывая на одного из бандитов, говорил: «Вот этот молодчик... Еще и внучку хотел изнашивать... Будь проклята мать, его породившая...»

Предлагаемый читателю новый сборник рассказов Х. Галиня вообрал две книги — «Смерть в распродажу» и «Караси ловят щук», вышедшие ранее на латышском языке. Связь этих двух книг очевидна, и появление их под одной обложкой не случайно. Они воспринимаются как единое повествование, с одними и теми же героями и единым сюжетным движением. Однако нельзя не сказать и того, что для некоторых рассказов характерна композиционная незавершенность. Автор иногда явно не справляется с обилием материала. Многие рассказы перегружены необязательными деталями и подробностями...

В мае будущего года будет отмечаться сорокалетие освобождения Латвии от оккупантов. Ратный подвиг двадцати тысяч воинов латышского корпуса и партизан, участвовавших в изгнании с родной земли фашистов, был отмечен высокими правительственными наградами, а 28 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

Известно, что на оккупированной территории Латвии действовало разветвленное партийно-комсомольское подполье и даже выходили в свет газеты, доносившие до

латышей слово правды. Насколько трудными были условия борьбы в оккупированной Латвии, и показывает книга Галиня.

А. ВЫЛЕГЖАНИН

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Р. Рубина. Вот такой день. Роман. Рассказы. Этюды. На еврейском языке. М. Изд-во «Советский писатель». 1982

Р. Рубина. Вьется нить. Рассказы, повесть. Перевод с еврейского. М. Изд-во «Художественная литература». 1982

Почти одновременно вышли в свет две книги Ривы Рубины: «Вот такой день» на языке оригинала и вторым изданием «Вьется нить» в русском переводе. Здесь представлено лучшее из того, что создано автором за без малого четыре десятилетия. Р. Рубина зачастую возвращается к старым произведениям, шлифует их. Под каждым из них — дата написания, под некоторыми (например, «Пусть люди знают...», «Кого сторожил замок?») — две даты. Сравнительно легко прослеживается творческая история данного сочинения и эволюция художественной манеры автора в целом.

Читатели старшего поколения помнят историко-литературные и литературно-критические публикации Р. Рубины. Первые ее выступления относятся к началу тридцатых годов. Ее работы о классиках еврейской литературы И.-Л. Переце и Шолом-Алейхеме (первое массовое шеститомное собрание сочинений великого юмориста вышло с обширным аналитическим предисловием Р. Рубины) отличались тонким вкусом, а творческие портреты советских писателей — высокой требовательностью, умением рассматривать изучаемые явления в широком социально-историческом контексте. Можно, разумеется, сожалеть, что Р. Рубина, по сути, отошла от активной критической деятельности... Впрочем, в сборник «Вот такой день» наряду с романом и рассказами включены эссе, посвященные советским мастерам слова Давиду Бергельсону, Самуилу Галкину, Зелику Аксельроду, Ицику Кипнису. В этой связи к месту напомнить признание Самуила Галкина, процитированное Р. Рубиной в этюде «По ту сторону стужи»: «Даже величайший, оригинальнейший поэт не начинает с самого себя». Галкин называет поэтов различных стран и эпох, так или иначе оказавших на него плодотворное влияние: «Пушкин и Гете, Тютчев и Баратынский, Ибн Габирол из Испании и древние китайские лирики; Тагор и Иегуда Галеви, Омар Хайям и Маяковский». Обращения к Лермонтову и Стендалю, Блоку и Бабелю, другим художникам слова, не говоря уже о ссылок на классиков литературы на идиш, чьи традиции развивают

советские писатели, позволяют автору лаконичных этюдов характеризовать своих «персонажей» во всем их индивидуальном своеобразии и национальной самобытности. Сегодня Рива Рубина наряду с Нотэ Лурье и Ихилом Шрайбманом, Тевье Геном и Хаимом Меламудом, Широю Горшман и Александром Лизеном заметная фигура в литературе, создаваемой на идиш в Советском Союзе. Вместе с тем книги ее отличаются «лица необщим выражением» — у нее свой специфический, четко очерченный круг интересов, свои излюбленные сюжеты, своя палитра красок. Это стало видно чуть ли не с первых же ее беллетристических опытов начала сороковых годов.

В 1943 году появилась первая книга рассказов и очерков Р. Рубиной «Еврейские женщины». Шла война. О страданиях и мужестве народа, несгибаемости его воли, о варварстве гитлеровцев и их злодеяниях на временно оккупированных советских землях писательница поведала с искренностью и пронзительностью. Судьба женщины-матери, на хрупкие плечи которой в годину исторических испытаний ложится тяжелейший груз, — одна из сквозных тем творчества Р. Рубиной.

Произведения, тематически перекликающиеся с ранними рассказами и очерками о Великой Отечественной войне, вошли и в рецензируемые книги. Таков, в частности, цикл рассказов о тете Малке, хронологически доведенный до счастливых дней Победы. Безжалостным огнем войны обожжены герои повести «Вьется нить». К событиям военных лет возвращается память автор в романе «Вот такой день».

В сочинениях еврейских прозаиков старшего поколения, чего греха таить, случается, что ретроспекция, оглядка на прошлое становится чуть ли не самоцелью. Живые воспоминания далекого детства, эпизоды гражданской войны на земле Белоруссии, экскурсии в незабываемую пору первых пятилеток не отвлекают Р. Рубину от насущных проблем дня сегодняшнего. Напротив, свободное переклочение сюжета в разные временные пласты служит выражению главной мысли художника, оптимистической философии истории.

Бесценен опыт прошлого — он освещает путь в будущее. В мире все взаимосвязано и обусловлено. И сколь бы ни были драматичны, а зачастую трагичны ситуации, в которые наш тревожный XX век ставит героев Р. Рубиной, они в конечном счете выходят из испытаний окрепшими духом, умудренными. Жизнестойкость — одна из отличительных черт героев ее рассказов и повестей. Писатель-интернационалист, она очень чутко улавливает и с большим тактом воплощает черты национального характера, проявления его традиционных качеств, становление и развитие новых.

Можно сказать, что Р. Рубина по-своему развивает гуманистическую традицию еврейской литературной классики. Достаточно вспомнить «Мальчика Мотла» Шолом-Алейхема — чудесную книгу, покорившую Горького сердечным юмором и умной любовью к народу. Рассказам-воспо-

минаниям Р. Рубиной о раннем детстве, проходившем в далеке не идиллических условиях, о трудной, полуголодной, но такой вдохновенной юности, преисполненной нетерпеливого ожидания чуда, наконец о военном лихолетье и послевоенных заботах веришь безусловно.

С неослабевающим вниманием читается повесть «Когда мальчики выросли» (1971), рассказ «Пусты люди знают» (1947—1972), другие произведения Р. Рубиной о жертвах гитлеровского геноцида, загнанных в гетто и обреченных на мучительную смерть. До последней минуты они сохранили человеческое достоинство. Автор отдает должное мужеству и доброй воле русских, украинских, белорусских труженников, которые, пренебрегая смертельной опасностью, спасали от гибели еврейские семьи. Разумеется, найти тематические аналогии в литературе на идиш, да и в других языках, не сложно. Так, приходит на ум недавний роман Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок». Однако неповторим угол зрения Р. Рубиной, сам подход автора к казавшей бы, многократно использованному историческому материалу. Для примера сошлемся на повесть «В осенний день». Сложна и своеобразна ее композиция. В самой структуре повести воплощена идея непрерывности и безостановочности течения жизни, взаимообусловленности людских судеб, неизбежности торжества благодетельства над низостью, мужества — над трусостью, альтруизма — над приспособленчеством и продажностью. История талантливой художницы, не склонившей головы перед гестаповцами, разочаровавшаяся на фоне узнаваемых реалий сегодняшней мирной Москвы. Вместе с вдовой погибшего художника мы как бы вновь перелистываем книгу прошлого, страницы этой грустной, но вместе с тем облагораживающей читателя истории.

Никто не забыт и ничто не забыто.

Здесь надобно сказать, что действующими лицами многих произведений Р. Рубиной выступают художники, деятели театра. В повести «Вьется нить» с отличным знанием «секретов» писательского ремесла воссоздан образ главного героя, литератора, человека с кристально чистой совестью, энергично отстаивающего свой высокий нравственный идеал. Это объясняется не только зрелостью дарования Р. Рубиной. Она пишет о том, что знает досконально и, так сказать, изнутри.

Критики обычно указывают на автобиографичность ее творчества. Действительно, это так. Жена и соратница художника Менди Аксельрода (не так давно в столице с большим успехом прошла выставка живописей, графики и театрально-декоративных работ покойного мастера), Р. Рубина много лет прожила в кругу людей, одержимых творчеством, участвовала в их спорах, ревниво следила за их поисками, радовалась обретениям, испытала горечь невозможности полных утрат. Все это, естественно, не могло не наложиться печатью на ее собственное творчество, определить его эмоциональный накал.

УРАН ГУРАЛЬНИК

«ПЕРЕВОД — ЭТО ОБМЕН ЖИЗНЯМИ»

Лев Гинзбург. Разбилось лишь сердце мое. Роман-эссе. М. Изд-во «Советский писатель». 1983

Лев Гинзбург был писателем ярким, боевым, плодовитым и многогранным. Последний штрих к его творческому портрету — эта посмертно вышедшая книга. В ней писательский талант Л. Гинзбурга сверкнул ослепительно — профессиональная зрелость соединилась со зрелостью жизненной. Перед нами предельно откровенная исповедь художника: автор сам стал героем своего последнего документального художественного повествования.

В этой книге богатейший материал для размышлений на разные важные темы. Цель моих заметок не в том, чтобы характеризовать эту книгу как целое, а в том, чтобы проследить в ней одну сюжетную нить, вычленив из романа-эссе один только «трактат» о проблемах поэтического перевода, составленный из признаний и наблюдений, рассыпанных автором по тексту.

Представив себе этот трактат как нечто целое, можно считать его творческим завещанием Л. Гинзбурга, поэта и переводчика. В полном соответствии со своей практикой Л. Гинзбург утверждает активную самостоятельную роль переводчика — художника со своей думой, темой, героями, со своей смелостью и волей. Понятно, в этом качестве Гинзбург отнюдь не исключение, таков вообще, я думаю, тип переводчика в идеале. Но, кажется, именно Гинзбург воплотил черты этого типа.

При жизни Л. Гинзбург охотно читал вслух отрывки из своей будущей книги, называя ее исповедью переводчика, и я думаю, что это более точное определение, чем «роман-эссе», данное в посмертной публикации. Исповедь — редкий, хотя и давний литературный жанр (Аввакум, Авустин, Руссо, Толстой, Горький), но впервые в этом жанре выступает переводчик.

Л. Гинзбург никогда не «искал», чего бы ему перевести. Он жил в переводческом деле. Его переводы из средневековой поэзии были для него таким же необходимым гражданским поступком, как и публицистика.

Он страстно искал объяснения трагедии, которую мир пережил в середине двадцатого века. Поиском этого объяснения были для него книги как о современности (его антифашистская публикация, его переводы из поэтов ГДР), так и о далеком прошлом (его переводы из поэзии Х—XVII веков). Он работал почти исключительно на немецком материале: от фольклора, вагандо времени прихода немецкого фашизма.

Такая «узость» — не только следствие профессионализма, точной специализации, тому есть более широкие причины, как личные, так и общие. Понять эти причины — значит, понять, какое значение Лев Гинзбург придавал деятельности переводчика.

Нянтя-немка, рассказывает он, пробудила в нем «немецкое начало», задела в душе какую-то струну, «все остальное пришло потом...» Каково же соотношение «все-го остального» и изначального «немецкого» воспитания? Попробуем понять это. «Не часто я бывал понят близкими мне людьми, а критиками-профессионалами и подавно. Они писали о моей любви к Германии, об интересе к германской культуре, не догадываясь, наверно, что просто я в этой культуре, в этом огромном — за жизнь — материале нашел нечто близкое себе!» Эта фраза попала в его печатную исповедь прямо из дневника. Предельно откровенен дневник: «...я пытался с помощью своих переводов сказать, чем жил, что думал о жизни, чего хотел от нее».

Так он понимал роль перевода, роль чужой поэзии, роль немецкого «материала» в своей судьбе.

Даже если Гинзбург и работал по заказу, то это был заказ не издательский, а социальный, внутренний. Он спрашивал себя, начиная перевод «Парцифалья» Эшенбаха: «В чем же я должен был искать вдохновение?» Ответ был найден только в процессе работы. «Эшенбах понял: мир настолько насыщен преступлениями, что им противостоять может разве что святость». Но что такое святость? Переводя, Гинзбург находит ответ:

Спеши, спеши на помощь им,
Тем, кто обижен и гоним.
Навек сроднившись с
Кач с первым рыцарским
состраданьем
днем!..

Не случайно сострадание стало синонимом святости, заповедью и источником вдохновения для поэта-переводчика. Нам завещана от Пушкина «милость к падшим». «Уходя» от современности в даль тринадцатого века, переводчик обнаруживает там призыв к состраданию, заглушенный в той же стране спустя столетия призывом к массовым убийствам. Это уже не прогресс, это страный зигзаг истории. Не случайно Гинзбург пишет о том, что его пугала «таинственная связь времен, сходство множества судеб, единая зависимость людей от обстоятельств и прихотей Времени...».

Поэтический перевод в руках Гинзбурга был важнейшим средством исследования судьбы человечества и одновременно средством воздействия на людей. Он очень рассчитывал на это, переводы для него были формой гражданской жизни, а не кабинетным занятием филолога-просветителя. В истории его притягивал магнит сходства, магия совпадений, близости, единства. Он редко противопоставлял времена, а встречаясь с разорванностью времени, стремился преодолеть разрыв, связать времена. «Я учился на филологическом факультете Московского университета, на немецком отделении, — пишет он. — Мы изу-

советские писатели, позволяют автору лаконичных этюдов характеризовать своих «персонажей» во всем их индивидуальном своеобразии и национальной самобытности.

Сегодня Рива Рубина наряду с Нотэ Лурье и Ихилом Шрайбманом, Тевье Геном и Хаимом Меламудом, Широю Горшман и Александром Лизеном заметная фигура в литературе, создаваемой на идиш в Советском Союзе. Вместе с тем книги ее отличаются «лица необщим выражением» — у нее свой специфический, четко очерченный круг интересов, свои изблюбленные сюжеты, своя палитра красок. Это стало видно чуть ли не с первых же ее беллетристических опытов начала сороковых годов.

В 1943 году появилась первая книга рассказов и очерков Р. Рубиной «Еврейские женщины». Шла война. О страданиях и мужестве народа, негибкости его воли, о варварстве гитлеровцев и их злодеяниях на временно оккупированных советских землях писательница поведала с искренностью и пронзительностью. Судьба женщины-матери, на хрупкие плечи которой в годину исторических испытаний ложится тяжелейший груз, — одна из сквозных тем творчества Р. Рубиной.

Произведения, тематически перекликающиеся с ранними рассказами и очерками о Великой Отечественной войне, вошли и в рецензируемые книги. Таков, в частности, цикл рассказов о тете Малке, хронологически доведенный до счастливых дней Победы. Безжалостным огнем войны обожжены герои повести «Вьетская нить». К событиям военных лет возвращается память автора в романе «Вот такой день».

В сочинениях еврейских прозаиков старшего поколения, чего греха таить, случается, что ретроспекция, оглядка на прошлое становится чуть ли не самоцелью. Живые воспоминания далекого детства, эпизоды гражданской войны на земле Белоруссии, экскурсии в незабываемую пору первых пятилеток не отвлекают Р. Рубину от насущных проблем дня сегодняшнего. Напротив, свободное переключение сюжета в разные временные пласты служит выражению главной мысли художника, оптимистической философии истории.

Бесценен опыт прошлого — он освещает путь в будущее. В мире все взаимосвязано и взаимообусловлено. И сколь бы ни были драматичны, а зачастую трагичны ситуации, в которые наш тревожный XX век ставит героев Р. Рубиной, они в конечном счете выходят из испытаний окрепшими духом, умудренными. Жизнестойкость — одна из отличительных черт героев ее рассказов и повестей. Писатель-интернационалист, она очень чутко улавливает и с большим тактом воплощает черты национального характера, проявления его традиционных качеств, становление и развитие новых.

Можно сказать, что Р. Рубина по-своему развивает гуманистическую традицию еврейской литературной классики. Достаточно вспомнить «Мальчика Мотла» Шолом-Алейхема — чудесную книгу, покорившую Горького сердечным юмором и умной любовью к народу. Рассказам-воспо-

минаниям Р. Рубиной о раннем детстве, прошедшем в далеко не идиллических условиях, о трудной, полуголодной, но такой вдохновенной юности, преисполненной нетерпеливого ожидания чуда, наконец, о военном лихолетье и послевоенных заботах веришь безусловно.

С неослабевающим вниманием читается повесть «Когда мальчики выросли» (1971), рассказ «Пусть люди знают» (1947—1972), другие произведения Р. Рубиной о жертвах гитлеровского геноцида, загнанных в гетто и обреченных на мучительную смерть. До последней минуты они сохранили человеческое достоинство. Автор отдает должное мужеству и доброй воле русских, украинских, белорусских тружеников, которые, пренебрегая смертельной опасностью, спасали от гибели еврейские семьи. Разумеется, найти тематические аналогии в литературе на идиш, да и в других языках, не сложно. Так, приходит на ум недавний роман Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок». Однако неповторим угол зрения Р. Рубиной, сам подход автора к, казалось бы, многократно использованному историческому материалу. Для примера сошлемся на повесть «В осенний день».

Сложна и своеобразна ее композиция. В самой структуре повести воплощена идея непрерывности и безостановочности течения жизни, взаимообусловленности людских судеб, неизбежности торжества братства над низостью, мужества — над трусостью, альтруизма — над приспособленчеством и продажностью. История талантливого художника, не склонившего головы перед гестаповцами, разворачивается на фоне узнаваемых реалий сегодняшней мирной Москвы. Вместе с вдовой погибшего художника мы как бы вновь перелистываем книгу прошлого, страницы этой грустной, но вместе с тем облагораживающей читателя истории.

Никто не забыт и ничто не забыто.

Здесь надобно сказать, что действующими лицами многих произведений Р. Рубиной выступают художники, деятели театра. В повести «Вьетская нить» с отличным знанием «секретов» писательского ремесла воссоздан образ главного героя, литератора, человека с кристально чистой совестью, энергично отстаивающего свой высокий нравственный идеал. Это объясняется не только зрелостью дарования Р. Рубиной. Она пишет о том, что знает досконально и, так сказать, изнутри.

Критики обычно указывают на автобиографичность ее творчества. Действительно, это так. Жена и соратница художника Менра Аксельрода (не так давно в столице с большим успехом прошла выставка живописи, графики и театрально-декоративных работ покойного мастера), Р. Рубина много лет прожила в кругу людей, одержимых творчеством, участвовала в их спорах, ревниво следила за их поисками, радовалась обретениям, испытала горечь невосполнимых утрат. Все это, естественно, не могло не наложить печать на ее собственное творчество, определить его эмоциональный накал.

УРАН ГУРАЛЬНИК

ПЕРЕВОД — ЭТО ОБМЕН ЖИЗНЯМИ

Лев Гинзбург. Разбилось лишь сердце мое. Роман-эссе. М. Изд-во «Советский писатель». 1983

Лев Гинзбург был писателем ярким, боевым, плодовитым и многогранным. Последний штрих к его творческому портрету — эта посмертно вышедшая книга. В ней писательский талант Л. Гинзбурга сверкнул ослепительно — профессиональная зрелость соединилась со зрелостью жизненной. Перед нами предельно откровенная исповедь художника: автор сам стал героем своего последнего документального художественного повествования.

В этой книге богатейший материал для размышлений на разные важные темы. Цель моих заметок не в том, чтобы характеризовать эту книгу как целое, а в том, чтобы проследить в ней одну сюжетную нить, вычленив из романа-эссе один только трактат) о проблемах поэтического перевода, составленный из признаний и наблюдений, рассыпанных автором по тексту.

Представив себе этот трактат как нечто целое, можно считать его творческим завещанием Л. Гинзбурга, поэта и переводчика. В полном соответствии со своей привычкой Л. Гинзбург утверждает активную, самостоятельную роль переводчика — художника со своей думой, темой, героизмом, со своей смелостью и волей. Понятно, в этом качестве Гинзбург отнюдь не исключение, таков вообще, я думаю, тип переводчика в идеале. Но, кажется, именно Гинзбург воплотил черты этого типа.

При жизни Л. Гинзбург охотно читал вслух отрывки из своей будущей книги, называя ее исповедью переводчика, и я думаю, что это более точное определение, чем «роман-эссе», данное в посмертной публикации. Исповедь — редкий, хотя и давний литературный жанр (Аввакум, Аввакум, Руссо, Толстой, Горький), но впервые в этом жанре выступает переводчик.

Л. Гинзбург никогда не «искал», чего бы ему перевести. Он жил в переводческом мире. Его переводы из средневековой поэзии были для него таким же необходимым гражданским поступком, как и публицистика.

Он страстно искал объяснения трагедии, которую мир пережил в середине двадцатого века. Поиском этого объяснения были для него и поэмы ГДР, так и о далеком прошлом (его переводы из поэзии X—XVII веков). Он работал почти исключительно на переводческом материале: от фольклора, вагандов поэтов эпохи Тридцатилетней войны до времени прихода немецкого фашизма.

Такая «узость» — не только следствие профессионализма, точной специализации, тому есть более широкие причины, как личные, так и общие. Понять эти причины — значит, понять, какое значение Лев Гинзбург придавал деятельности переводчика.

Няня-немка, рассказывает он, пробудила в нем «немецкое начало», задела в душе какую-то струну, «все остальное пришло потом...» Каково же соотношение «всего остального» и изначального «немецкого» воспитания? Попробуем понять это. «Не часто я бывал понят даже близкими мне людьми, а критиками-профессионалами и подавно. Они писали о моей любви к Германии, об интересе к германской культуре, не догадываясь, наверно, что просто я в этой культуре, в этом огромном — за жизнь — материале нашел нечто близкое себе!» Эта фраза попала в его печатную исповедь прямо из дневника. Предельно откровенен дневник: «...я пытался с помощью своих переводов сказать, чем жил, что думал о жизни, чего хотел от нее».

Так он понимал роль перевода, роль чужой поэзии, роль немецкого «материала» в своей судьбе.

Даже если Гинзбург и работал по заказу, то это был заказ не издательский, а социальный, внутренний. Он спрашивал себя, начиная перевод «Парцифалья» Эшенбах: «В чем же я должен был искать вдохновение?» Ответ был найден только в процессе работы. «Эшенбах понял: мир настолько насыщен преступлениями, что им противостоять может разве что святость». Но что такое святость? Переводя, Гинзбург находит ответ:

Спешу, спешу на помощь им,
Тем, кто обижен и гоним.
Навек сроднившись с

состраданием
Как с первым рыцарским
деяньем!..

Не случайно сострадание стало синонимом святости, заповедью и источником вдохновения для поэта-переводчика. Нам завещана от Пушкина «милость к падшим». «Уходя» от современности в даль тринадцатого века, переводчик обнаруживает там призыв к состраданию, заглушенный в той же стране спустя столетия призывом к массовым убийствам. Это уже не прогресс, это странный зигзаг истории. Не случайно Гинзбург пишет о том, что его пугала «таинственная связь времен, сходство множества судеб, единая зависимость людей от обстоятельств и прихотей Времени...»

Поэтический перевод в руках Гинзбурга был важнейшим средством исследования судьбы человечества и одновременно средством воздействия на людей. Он очень рассчитывал на это, переводы для него были формой гражданской жизни, а не кабинетным занятием филолога-просветителя. В истории его притягивал магнит сходства, магия совпадений, близости, единства, магия совпадений, близости, единства. Он редко противопоставлял времена, а встречаясь с разорванностью времени, стремился преодолеть разрыв, связать времена. «Я учился на филологическом факультете Московского университета, на немецком отделении, — пишет он. — Мы изу-